

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 81'373.612.2:070:316.454.5

КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА *АРЛЕКИН* КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Бычина Ю. Н.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: yuliya.bychina@mail.ru

В предлагаемой статье проводится семантико-прагматический анализ ключевой единицы арлекин в русскоязычном медиадискурсе. Современный медиадискурс, анализируемый и рассматриваемый в представленной статье, апеллирует к историческим и культурным фактам, реалиям, отражение которых приобретает в тексте определенную коннотацию, являющейся в большинстве своем отрицательной. Отмечается особая ценность, которую представляет метафоризация определенных языковых единиц, характеризующих тех или иных политических субъектов, эксплицирующих и интерпретирующих особенности их характера, поведения, действий. Анализируемая в приведенной статье лексема арлекин является одной из ключевых метафор современного медиадискурса политической направленности, которая наряду с такими единицами, как клоун, шут, скоморох, паяц, лежит в основе театрализации современных политических образов и сценариев. В представленной работе описываются и анализируются особенности реализации ключевой лексемы арлекин с учетом ее денотативного, коннотативного, прагматического аспектов значений, а также ассоциативного потенциала. Устанавливаются и сопоставляются интегральные семантические компоненты, выделенные на основе проанализированных лексикографического и контекстуального значений. Проведенный анализ позволяет говорить об особенностях контекстной реализации ключевой единицы арлекин, связанных с прагматическими установками авторов медиатекстов.

Ключевые слова: дискурс, *арлекин*, политический дискурс, метафора, сема, ключевая единица, ключевая лексема, медиатекст.

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» гранта № ВГ20/2018

ВВЕДЕНИЕ

Театрализация и карнавализация современного политического дискурса определяет тот факт, что широкой сферой для ассоциирования становится игровая метафора, при использовании которой определенные социально-политические действия, стратегии и решения описываются посредством метафорических образов,

входящих в тематические сферы «цирк», «театр», «кино» [8]. **Цель статьи.** Для полного понимания особенностей функционирования денотативного и коннотативного значений ключевой лексемы *арлекин* необходимо исследование лексикографического значения и культурологической составляющей данной единицы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Одним из наиболее ценных источников метафоризации в современном политическом дискурсе является сфера сценического искусства, куда, по словам исследователя Р. И. Зарипова входят «составляющие и театральные сферы, и цирковой, и любых зрелищных сфер и жанров» [5, с. 56]. Активное использование подобных метафор, традиционных для политического дискурса различных стран, в политической сфере обусловлено также их широким ассоциативным потенциалом и бесспорной прагматической направленностью. В работе «Театральность политического дискурса» Е. И. Шейгал пишет: «Политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно или непроизвольно лицедействуют, «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты» [11, с. 6]. Как показал анализ медиатекстов, сферы театра и цирка раскрываются в контекстах через следующие образы: вид зрелища, жанр представления, элементы театрального/циркового здания, части представления, атрибутика и субъекты театра/цирка [1]. В значении, приведенном в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, отмечаются особенности костюма (цветные лоскуты) и комичность внешнего вида. В данном словаре *арлекин* определяется как «одно из потешных лиц немой комедии (пантомимы): шутник и проказник, в обтяжной, пестрой, из лоскуточков набранной одежде, иногда с бубенчиками» [3, с. 113]. Однако пестрый и яркий костюм указывал на бедность персонажа, поскольку ромбовидные лоскуты ткани на самом деле являлись заплатами. Маска у *арлекина* была черного цвета, со зловещими чертами, что является отсылкой к одной из версий происхождения ключевого слова – к имени одного из демонов дантовского «Ада» – Alichino. Действующие лица театра носили

маски и имели при себе атрибуты, поясняющие их характер или профессию. Так, **арлекин** изначально носил черную полумаску с длинным носом, широкие рубаху и штаны. Комичность и шутовство в его образе превалируют с 16 века, когда основными маркерами становятся пришитые к головному убору заячий хвост или лапка, что являлось символом трусости. С 17 века меняется не только внешний облик персонажа (костюм стал обтягивающим, что говорило об изворотливости персонажа, и не только штаны, а и весь костюм был из лоскутов разноцветной ткани), но и его характер (из глупого простака он превращается в ловкого и хитрого интригана).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слово **арлекин** имеет два значения: «1. Комический персонаж итальянской народной комедии с характерным костюмом из разноцветных лоскутьев (театр.). 2. Паяц, шут (·книж.)» [9, с. 341]. Сходная интерпретация предлагается и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова: «Традиционный персонаж итальянской «комедии масок»; паяц, шут» [9, с. 406]. В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой лексема **арлекин** приобретает новые оттенки значения, определяемые культурологическими особенностями персонажа: «1) традиционный персонаж итальянской комедии масок (слуга-хитрец, обычно в костюме из разноцветных лоскутов и в черной полумаске). 2) перен. Шут, паяц» [4, с. 83]. Лексемы **шут** и **паяц**, отмеченные как синонимы в «Словаре русских синонимов», в данном словаре являются переносным значением для ключевой лексемы **арлекин**, тогда как в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова присутствует помета книжное. В «Словаре русского языка» **арлекин** – это «традиционный персонаж итальянской «комедии масок», слуга-шут в костюме из разноцветных лоскутов и в черной полумаске, отличающийся остроумием и умением ловко выходить из затруднительных положений; паяц, шут». В приведенной словарной статье актуализируется сема 'ловкость', ставшая ядерной при культурологическом анализе ключевой единицы **арлекин**. В «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под ред. А. Н. Чудинова **арлекин** (от итальянского *arlechino* – шут) – шут, одетый в платье из разноцветных лоскутьев – комическое лицо в итальянских комедиях. Отсюда – вообще смешное

лицо, пестро одетое [10, с. 298]. В словаре под редакцией Л. П. Крысина «1000 новых иностранных слов» рассматриваемой лексеме дается следующее определение: «*Арлекин*, а, м., одуш. [фр. Arlequin < ит. arlecchino]. Традиционный персонаж итальянской народной комедии («комедии масок»), шут, паяц. *Арлекинский* – относящийся к *арлекину*, *арлекинам*» [6, с. 45]. В данном лексикографическом источнике приводится адекатив *арлекинский*, не упоминающийся в остальных словарных статьях.

Наиболее глубоко и полно образ *арлекин* раскрыт в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где учитываются широкий спектр особенностей персонажа. Так, акцентируется внимание на том, что изначально *арлекин* – «название одной из комических масок итальянского национального театра, так называемой *commedia dell' arte*. *Арлекин* является в плотно обтянутом костюме, сшитом из кусочков материи всевозможных цветов, с коротко обстриженными волосами, иногда в черной полумаске и с деревянным мечом у пояса. *Арлекин*, занимая многие века роль слуги, был в прежние времена грубым, неуклюжим, бесстыдным, трусливым, грязным, но когда в половине XVI столетия при итальянском дворе явилась мода на *commediadell'arte*, то *арлекин* переменялся и приобрел лукавство, подхалимство, деятельность и остроумие» [2, с. 286].

Как показал анализ, в современных СМИ *арлекин* представлен уже как устоявшийся образ с интегральными семами 'лукавство', 'остроумие', 'хитрость'. Таким образом, проанализировав лексикографические статьи и сопоставив их с культурологическим фоном анализируемой единицы, мы можем сделать вывод, что ядерные семы, проявившиеся изначально как характеристики персонажа ('ловкость', 'хитрость', 'лукавство'), в настоящее время зафиксированы в словарях. Важно отметить, что метафоризация образа *арлекина* происходит в медиатекстах различной направленности (политической, экономической, социальной, культурной), что говорит об универсальности рассматриваемого образа как источника ассоциирования. Все контексты с ключевой единицей *арлекин* в нашем исследовании мы разделили по направленности СМИ: **политика** (...по стопам Верки Сердючки в украинскую политику прорвался главный на данный момент ее *Арлекин* – Олег

Ляшко (livejournal, 08.08.2018)); **спорт** (*В битве недавних чемпионов на первый план вышел маленький, юркий Брэд Маршан, на фоне которого лос-анджелесские мастера казались длинными, неуклюжими арлекинами с костылями вместо клюшек* (Газета.ru, 21.01.2016); **культура** (*...бал-маскарад – не точка встречи ряженных арлекинов и гусар, но сборище гостей в масках всем известных персон из телевизора* (Газета.ru, 21.01.2016)). Подчеркнем, что именно в политических СМИ образ **арлекин** представлен наиболее многоаспектно и наделяется нехарактерными для денотативного значения характеристиками. Так, отмечается частотное употребление ключевой единицы во множественном числе, что говорит о собирательном образе **арлекина**, аккумулирующем характеристики множества личностей определенного типажа и модели поведения из разных сфер (арлекины в спорте / политике / экономике / культуре): *Арлекинов в украинской политике всегда было достаточно. Но все портит их желание тщательно скрыть свою арлекинскую сущность. Поэтому колокольчики на властном олимпе Украины звенели всегда, но уж слишком тихо и не выразительно* (livejournal, 08.08.2018). Ключевая единица **арлекин** становится вершиной словообразовательного гнезда и основой новообразований, актуальных именно для медиатекстов и, как правило, не зафиксированных в словообразовательных словарях: Так, аффикс **арлекинский** усиливает отрицательную коннотацию и эксплицирует семантические компоненты 'хитрый', 'обманчивый', 'лукавый'. Суффикс -ск- у прилагательного употребляется с общим значением отношения, свойственности или типической принадлежности тому, что названо мотивирующим словом, в данном случае – к персонажу **арлекин**: *Первой попыткой арлекинского прорыва во власть стало желание участвовать в досрочных парламентских выборах 2007 года так называемой Верки Сердючки – украинской разновидности Арлекина в юбке* (livejournal, 08.08.2018).

Еще одной окказиональной единицей является лексема **арлекиниада**, которая имеет аналог, представленный словом **арлекинада** и зафиксированный только в одном словаре «1000 новых иностранных слов» под ред. Л. П. Крысина со значением от фр.arlequinade < ит. Arlecchinata – 1. Небольшая сценка, в которой участвуют **арлекин** и другие персонажи итальянской народной комедии («комедии масок»). 2.

ист. Во Франции в.: популярный жанр ярмарочного театра [6, с. 45]. В денотативном значении с помощью суффикса -иад- образуются имена существительные, которые обозначают массовые спортивные соревнования, связанные с тем, что названо мотивирующим именем существительным со значением действия. В медиатекстах сохраняется сема 'массовость', при этом абсолютно утрачивается связь со спортом: *Сравнение политической жизни с трагической арлекиниадой - одна из любимых тем в театре XX века. Маска, скрывающая истинные намерения, - символ древний и многозначный. Но не менее важной для режиссера Романа Виктюка оказывается тема столкновения художника и власти, ибо Арлекин для него - прежде всего гениальный актер. Удастся ли ему сохранить жизнь в сетях политических интриг?* (Без формата, 10.06.2011).

Ключевая единица *арлекин* была нами рассмотрена и проанализирована также и в контекстах, приведенных в Национальном корпусе русского языка: *Вот вам и частный самолет, высланный за Черчесовым, изнурительные переговоры и поражающий своей гениальностью ход со слежкой и финальной SMS, из которой Станислав Саламович узнал, что в его услугах не нуждаются. Осталось команду на поле в шутовских колпаках и костюмах Арлекина вывести. А над стадионом в этот момент нон-стопом должна звучать фраза, произнесенная генеральным директором клуба Романом Асхабадзе. Не могу его не процитировать: «Хотелось бы вот еще о чем сказать. [Режим доступа: ruscorgora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Михаил Шахназаров. Красно-белый юмор черной комедии // Известия, 2014.04.22, газетный корпус). В данном контексте идет установка на актуализацию лингвокультурологического фона, который под словосочетанием «костюмах арлекина» подразумевает яркую, пеструю одежду из ромбовидных лоскутов. Основной особенностью *арлекина* является маска, акцент на которую и делается акцент в контекстах национального корпуса русского языка: *Один высокий и массивный, второй пониже ростом и пошустрее. Оба черноволосые и с серьезными выражениями лиц, под которыми, как под маской Арлекина, пряталась ирония. Оба были хоть и в чинах, но ребята относительно молодые, так же как и сам отдел, образованный год назад под давлением общественного мнения. Точнее, из-за того,**

что именно в Петербурге происходили убийства, которые тут же зачислялись в разряд громких и заказных. [Режим доступа: guscorpora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Елизавета Козырева. Дамская охота 2001; основной корпус)

Некоторые контексты указывают непосредственно на род деятельности персонажей, их публичность и эпатажность: *В стране тысячи разводов в день и потрагичнее этого. А для развода «арлекинов» подошла бы и последняя колонка анекдотов. Анатолий Владимирович, ветеринар, Владимир: — Филипп, чтобы забыться и не удавиться от отчаяния, захочет переплюнуть Пугачеву и предпримет очередную попытку сварганить мюзикл или снять музыкальный фильм.* [Режим доступа: guscorpora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Мария Ремизова, Александр Мешков, Наталья Ламбоцкая («КП» - Казань»), Яна Зверева («КП» -Чебоксары) Пугачева поет песни о любви // Комсомольская правда, 2005.11.26; газетный корпус).

Особенностью ключевой единицы **арлекин** является и то, что персонаж, изначально возникший и реализующийся в сфере театра, в словарях и медиатекстах чаще всего реализуется как персонаж цирковой сферы: *Навальный Жириновскому – не замена. Жириновский – это типичное амплуа Рыжего клоуна, а Навальный в такой «связке» скорее Белый клоун. И не потому, что повязан с «Белой лентой», а потому что так уж повелось в цирке. Рыжий клоун унаследовал от Арлекина хитрость, умение смеяться над собой и простодушие, а Белый клоун, наследник Пьеро, преобразился в «нелепого умника» и «маменькина сынка», который хочет казаться мужчиной (ИА REX, 17.03.2018). Белый — это объект битья, Пьеро, положительный неудачник. Рыжий — Арлекин, отрицательный плут, ему положено издеваться над белым. Баланс между сторонами всегда был равным. Гайдай же дал силам условного зла трехкратное преимущество над силами добра, чего ни до, ни после никто не делал.* [Режим доступа: guscorpora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Егор Москвитин. Разгадывая Гайдаю // «Огонек», 2013; основной корпус). Если на сцене театра присутствовали персонажи **Арлекино** и **Пьеро**, то в 19 веке, когда цирк стал самостоятельным видом зрелищ, на манеже появились клоуны – Белый (хозяин, получившийся из белого Пьеро) и Рыжий (слуга, прототипом которого был Арлекин). Таким образом, автор медиатекста акцентирует внимание на том, что это персонажи

именно цирковой сферы. Так, ядерной становится не сема 'игра', а сема 'смех', что подтверждает сам контекст, который содержит в себе авторское уточнение характеристик каждого из персонажей. Данные характеристики являются индивидуально авторскими, поскольку лексема **арлекин** не имеет в данном контексте яркой отрицательной коннотации (актуализируются семы 'простодушие', 'хитрость'), в то время как другой персонаж раскрывается через семы 'нелепый', 'слабый'. На примере данного контекста отмечается использование образа *арлекина* в соответствии со сходством с определенным политическим деятелем (например, рыжий клоун – В. В. Жириновский). Как показал анализ, частотным явлением представляется развертывание в медиатекстах метафорических сценариев и использование в одном ряду лексем **Арлекино** и **Пьеро**, что говорит об их взаимосвязи на культурно-историческом уровне: *Вся политика Украины развивается в пространстве цирка. Фокусники и дрессировщики показывают на арене чудеса. Гимнасты творят пируэты под куполом. А два коверных клоуна: Саакашвили и Порошенко разыгрывают драму под названием «Схватка Арлекина с Пьеро». Арлекин рвется через границу, а Пьеро с печальной белочкой на плече вещает о нехватке летального оружия* (Сегодня, 06.10.2017). Как и в предыдущем контексте, **Пьеро** представляется нам грустным, неуклюжим персонажем – антиподом веселому, задиристому **Арлекино**.

Наиболее распространенным вариантом употребления ключевой единицы **арлекин** в медиатекстах является ее использование в качестве приложения или стержневого компонента при приложении. При этом вторым словом как было отмечено в предыдущем контексте, может быть имя нарицательное (*Лидеры думской оппозиции были бы не сами собой, если бы не сотрясли 1 апреля стены парламента юмористическим шоу. Тут были и задира-Арлекин, и неуклюже-хмурый Пьеро* (Комсомольская правда, 30.05.2018)) или же имя собственное (*Навальному, если бы его допустили к выборам, пришлось бы спорить с подставными клоунами кремлевского театра Карбаса-Барабаса. Арлекин-Жириновский плескал бы ему соком в лицо* (Русский монитор, 15.03.2018)). Подчеркнем, что ключевая единица **арлекин** в последнем контексте интерпретируется не как шутовской герой, а как

театральный. Так, театр Карабаса-Барабаса – это кукольный театр, где присутствуют как куклы, так и кукловоды. Данный факт говорит о том, что **арлекин** раскрывается нам как безвольное лицо, марионетка, действиями которой управляют наделенные властью люди.

Интересным для анализа представляется словосочетание **кремлевский арлекин**, где адъектив кремлевский уточняет сферу деятельности субъекта-арлекина, его связь с властными структурами: *Публичное несогласие Илларионова с предложением главы государства лишний раз подтвердило: советник президента по экономике — своего рода кремлевский арлекин* (Правда, 11.04.2018). В приведенном контексте имплицитно выражена сема 'слуга', взятая из денотативного значения и характеристики персонажа. Автор медиатекста, употребляя адъектив *кремлевский*, актуализирует сему 'прислуживание', имплицитно определяя президента как хозяина, а советника понижая до слуги, но не верного и преданного, а лукавого и хитрого, как *арлекин*.

В медиатекстах ключевая единица **арлекин** может употребляется в одном синонимическом ряду с лексемами шут и скоморох: *Реальность сегодняшней России нуждается в скоморохе, шуте. Для того лишь, чтобы акты государственной важности с их насупленными бровями вдруг обернулись раскрашенной лукавой физиономией арлекина* (Московский центр Карнеги, 21.03.2018). В качестве интегральных выступают семы 'лукавство' и 'несерьезность', при этом актуализируется такое качество персонажа, как уход от ответственности, отвлечение внимания. Такая характеристика **арлекина**, как возможность и способность говорить в глаза нелицеприятную правду, наблюдается в следующем контексте: *... не оставляет ощущение, что Илларионов играет роль то ли Арлекина, то ли шута Балакирева при нынешнем кремлевском дворе - ему позволяется говорить горькую правду в лицо кому угодно, но мало кто обращает на это внимание* (Правда, 11.04.2018). В приведенном медиатексте уточняется характеристика **арлекина** – это не лукавый, хитрый человек, а тот, кто может говорить правду открыто, несмотря на то, что к нему не прислушиваются.

ВЫВОДЫ

Таким образом, комплексный анализ лексикографических источников и медиатекстов позволяет говорить о ключевой единице *арлекин* как о яркой и значимой метафоре, характеризующей современного политиком. При сохранении денотативных сем 'ловкость', 'хитрость', 'лукавство', зафиксированных в словарях, в отдельных контекстах наводятся такие семантические компоненты, как 'ум', 'ловкость'. Именно эти семы позволяют характеризовать *арлекина* в медиатекстах как умного и изворотливого субъекта, способного на низкие поступки ради достижения собственной цели. Разноаспектный анализ образа арлекина является важным при моделировании фрагмента политической картины мира, представленной метафорической моделью «политика – это искусство».

Список литературы

1. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI – XXI вв. [Текст] / Л. В. Балашова. – М. : Знак, 2014. – 632 с.
2. Брокгауз, Ф. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь современная версия [Текст] / Ф. А. Брокгауз. – М. : Эксмо, 2009. – 704 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. [Текст] / В. И. Даль – М. : Астрель, 2003. – 573 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х томах [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, 2006. – 976 с.
5. Зарипов, Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе [Текст] / Р. И. Зарипов. – М. : 2015. – 262 с.
6. Крысин, Л. П. 1000 новых иностранных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : АСТ, 2009. – 319 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 сл. и фразеолог. выражений [Текст] / С. И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2001. – 943 с.

8. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование [Текст] / Н. А. Сегал. – М. : Флинта, 2017. – 248 с.
9. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Д. Н. Ушакова. Т. 4. – М. : Русские словари, 1995. – 754 с.
10. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / А. Н. Чудинов. – Изд. 3-е. – СПб. : Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. – 1004 с.
11. Шейгал, Е. И. Театральность политического дискурса. Единицы языка и их функционирование [Текст] / Е. И. Шейгал. – Саратов : 2000. – 27 с.

References

1. Balashova L. V. *Russkaya Metaforicheskaya Sistema v Razvitii: XI –XXI vv.* [Russian Metaphorical System in Development: XI - XXI Centuries]. Moscow: Znak Publ., 2014. 632 p.
2. Brokgauz F. A. *Illyustrirovannyi Enciklopedicheskii Slovar Sovremennaya Versiya* [Illustrated Encyclopedic Dictionary Modern Version]. Moscow: Astrel Publ., 2008. 704 p.
3. Dal V. I. *Tolkovyi Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: Sovremennoe Napisanie: Vol.4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern Writing: Vol. 4]. Moscow: Astrel Publ., 2003. 573 p.
4. Efremova T. F. *Sovremennyj Tolkovyj Slovar Russkogo Yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST, 2006. 976 p.
5. Zaripov R. I. *Kognitivnye Aspekty Metaforicheskogo Modelirovaniya v Politicheskom Diskurse* [Cognitive Aspects of Metaphorical Modeling in Political Discourse]. Moscow, 2015. 262 p.
6. Krysin L. P. *1000 Novyh Inostrannyh Slovo* [1000 New Foreign Words]. Moscow: AST Publ., 2009. 319 p.
7. Ozhegov S. I. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka: 80000 Slovo i Frazeoloiticheskikh Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseology]. Moscow: Azbukovnik, 2001. 943 p.

8. Segal N. A. *Politicheskij Tekst: Metaforicheskoe* [Political Text: Metaphorical Modeling]. Moscow: Flinta Publ., 2017. 248 p.
9. Ushakov D. N. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkie Slovarei, 1995. 754 p.
10. Chudinov A. N. *Slovar Inostrannykh Sloz, Voshedshikh v Sostav Russkogo Yazyka* [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language]. SPb: Izdanie Knigoprodavtsa V. I. Gubinskogo Publ., 1894. 1004 p.
11. Sheigal E. I. *Teatralnost Politicheskogo Diskursa. Edinitsy Yazyka i ih Funktsionirovanie* [Theatricality of Political Discourse. Language Units and their Functioning]. Saratov, 2000. 27 p.

KEY UNIT HARLEQUIN AS METAPHORIZATION SOURCE IN MODERN

MEDIA TEXTS

Yu. N. Bychina

Summary. This article provides a semantic-pragmatic analysis of the key unit of harlequin in the Russian-language media discourse. The modern media discourse, analyzed and considered in the presented article, appeals to historical and cultural facts, realities, the reflection of which takes on a certain connotation in the text, which is mostly negative. Of particular value is the metaphorization of certain linguistic units that characterize certain political entities that explicate and interpret features of their nature, behavior, and actions. The harlequin lexeme analyzed in this article is one of the key metaphors of the modern media discourse of a political orientation, which, along with units such as a clown, buffoon, clownfish, is the basis for the theatricalization of modern political images and scripts. The present work describes and analyzes the features of the implementation of the key harlequin token, taking into account its denotative, connotative, pragmatic aspects of meanings, as well as associative potential. Integrated semantic components are established and compared, selected based on the analyzed lexicographic and contextual meanings. The analysis allows us to talk about the features of the contextual implementation of the key unit of harlequin associated with the pragmatic attitudes of the authors of media texts.

Keywords: discourse, harlequin, political discourse, metaphor, sema, key unit, key lexeme, media text.

This work was partially supported by the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Development Program for 2015 – 2024.